

Значит ли это, что он хочет со мной переспать? Я украдкой наблюдал за ним через край бокала, но не заметил ни единого намека.

Когда альфа соблазняет омегу, в ход всегда идут феромоны. Половые феромоны альфы разжигают в омеге желание и делают самого альфу чертовски привлекательным — и неважно, хочет ли он серьезных отношений или секса на одну ночь.

Однако этот мужчина до предела сдерживал даже те запахи, что служат для элементарного общения. То ли не хотел раскрывать карты, то ли страдал маниакальной тягой к чистоте — бог его знает.

Со Джинхёк, чьи мысли было не прочесть, как у какого-нибудь беты, дождался, пока я поставлю бокал на стол, и медленно заговорил:

— Хм. Прошу прощения.

Я лишь тупо переспросил, ошарашенный его словами:

— Что?

Он в замешательстве потер подбородок.

— Я насчет чека.

Только тогда до меня дошло, зачем я здесь сижу. Он извинялся за то, что пытался откупиться от меня после случая с домогательствами.

Мне и в голову не могло прийти, что он станет за это просить прощения. Я замялся, не зная, как реагировать. С одной стороны — поступок и правда сомнительный, а с другой — для официанта в борделе это обычное дело.

Мужчина, ожидая ответа, плеснул себе коньяка, но к бокалу так и не притронулся. Янтарная жидкость лениво плескалась в прозрачном стекле.

Я уставился на свое молоко и лишь спустя долгое время смог выдавить:

— Всё в порядке. Директор, вам не стоило беспокоиться об этом.

На этот раз я не врал. Одной его фразы хватило, чтобы мне стало удивительно легко. Я даже засомневался — неужели я такой дешевка?

Джинхёк, похоже, остался недоволен моим ответом. Он издал негромкий вздох и продолжил:

— Я не думал, что можно просто сунуть деньги и забыть. Просто... привык решать проблемы компенсациями.

Его лицо на миг исказилось, и он коротко усмехнулся.

— Бред какой-то несу. В общем, еще раз извините.

— ...

— И за то лапанье тоже. Как-никак, это мой знакомый натворил дел, так что я хотел извиниться.

— Мне кажется... это не то, за что вы должны отвечать.

Он был настолько вежлив, что у меня в груди всё зашекетало. Не зная, куда деться от его взгляда, я принялся терзать штанину, а потом и вовсе вскочил с места.

— Спасибо за извинения. Я, пожалуй, пойду...

— Подождите.

Мужчина полез во внутренний карман, достал бумажник и выудил визитку.

— Я бы хотел как-нибудь угостить вас ужином.

— В этом нет... нет никакой необходимости.

Я едва не подпрыгнул на месте и прикусил язык. Наверное, выгляжу как полный идиот. Мысленно матерясь, я замер в полупоклоне, глядя на него снизу вверх.

В этот миг я почувствовал аромат дуба и базилика.

Не резкий, такой же призрачный и едва уловимый, как его улыбка. Запах исчез почти мгновенно, но я сразу понял: это его феромоны.

Вместо чека он теперь протягивал визитку и улыбался.

— Похоже, чеки вам не по душе.

— ...

— Всё хорошо. Берите.

Он говорил мягко, будто успокаивал ребенка.

Приглашение на ужин, скорее всего, было просто данью вежливости, но я почувствовал, как мои руки предательски задрожали, когда я принимал карточку. Для него это была просто бумажка, которую он раздает направо и налево, а я вцепился в неё, словно в пустой бланк с печатью.

Уж лучше бы я тогда взял чек. С легким уколом сожаления я принял визитку. Дыхание сбилось, будто я только что пробежал стометровку.

— Как вас зовут?

— Чхве... Чхве Асель.

Он слегка приподнял брови, услышав мое необычное имя, но расспрашивать не стал.

— Напишите мне. Буду ждать.

Так и не сделав ни глотка, он первым покинул комнату. Я еще долго стоял перед бокалами с коньяком и молоком, вертя в руках визитку, пока не заляпал её пальцами, и только потом нашел в себе силы уйти.

Когда я вышел, менеджер спросил, что стряслось, но я смог выдать лишь невнятное:

— Ничего особенного.

Наверное, я пытался убедить в этом самого себя.

— Правда, ничего.

На визитке Со Джинхёка были только имя и номер мобильного. Ни должности, ни названия компании — ничего из того, что обычно пишут. Я осмотрел её со всех сторон, но, кроме золотистого растительного орнамента, зацепиться было не за что.

«Лучше не ходить на этот ужин, да?»

К такому выводу я пришел, вернувшись домой и снова разглядывая карточку.

Конечно, Джинхёк сам просил написать, но если я реально соглашусь, ему наверняка станет неловко. Изначально я хотел отказаться, но те мимолетные феромоны, что я почувствовал, были чертовски дружелюбными.

Среди бет ходит миф, что альфы и омеги общаются на каком-то высшем уровне через запахи. Но в моем кругу феромоны использовали для трех вещей: симпатия, вражда и соблазнение.

Стоило Джинхёку проявить ко мне каплю тепла, как я тут же, сам того не осознавая, схватил его визитку. Когда наши взгляды встретились, его правое веко с двойной складкой дрогнуло. Говорят, люди с асимметричными глазами — те еще бабники.

Я провел подушечкой пальца по золотому тиснению и медленно поднес бумагу к носу. Почти коснувшись кончиком носа плотного картона, я уловил слабый запах дуба и базилика. И еще что-то солоноватое, чего не заметил в номере.

Видимо, даже он не может полностью скрыть свою природу — визитка впитала его запах, пока лежала в кошельке. Через пару дней всё выветрится, но сейчас аромат еще был здесь.

Да. Я хотел ему написать.

И не просто написать — я хотел поужинать с ним, поболтать о пустяках и узнать его получше.

Я прокручивал в голове всё, что знал о нем. Занимается финансами, исполнительный директор, куча братьев, включая бастардов...

И у него есть невеста.

Это воспоминание накрыло меня чувством вины, но я поспешил его отогнать. Какая мне разница, есть у него кто-то или нет? Мы же не спать ложимся. Человек просто предложил поужинать. В качестве компенсации за инцидент, и только.

Одна часть меня отчаянно искала оправдания, чтобы связаться с ним, а другая твердила: брось это, не впутывайся, пока не влюбился по-настоящему.

Я и сам знал, как будет правильно. Ни на какой ужин ходить не стоит. И дело даже не в невесте. Будь он хоть трижды свободен, финал один.

Если я встречу с ним и «реально» влюблюсь, я ничего не смогу с этим поделать. Просто

останусь один на один со своими чувствами, а Со Джинхёк забудет о моем существовании на следующий же день.

Да даже если случится чудо и у нас что-то выйдет...

— Ты чего завис?

Я обернулся на голос. В дверях стоял заспанный Мун Сынвон. Судя по всему, у него был выходной.

Сынвон, несмотря на свой затрапезный вид, учился на автомеханика. По тому, как он регулярно уходил на работу, матерясь на чем свет стоит, было ясно — это его призвание.

— Я стучал, ты чего, в астрале?

— Да так, задумался. А что?

Сынвон, чья прическа напоминала птичье гнездо, привалился к косяку.

— Говорят, ты Хан Чонсока в блок кинул.

Хан Чонсок был альфой, с которым я встречался пару месяцев назад. Наши отношения начались «как-то так» и закончились так же невнятно — даже слово «расставание» казалось слишком громким для этого пшика.

Из-за моей ночной работы наши графики не совпадали: он нашел себе другого омегу, а я и не особо расстроился. В памяти всплыло какое-то длинное извинение от него, мол, бес попутал, прости за измену. Я прочитал только начало и сразу удалил.

— И что он тебе наплел?

— Да ничего особенного. Просто, раз ты теперь свободен... никого не ищешь? Как в течку собираешься справляться без альфы?

Точно, в этом году у меня еще не было течки. Цикл у омег обычно от десяти до двенадцати месяцев, у меня — ближе к десяти.

Короче, раз в год. Подавители, которые мы обычно глотаем в этот период, направлены в основном на то, чтобы приглушить запах и не доставлять проблем окружающим.

Существуют, конечно, лекарства, которые должны сбивать жар и похоть у тех, кто остался без партнера, но толку от них чуть. Они помогают разве что подросткам, у которых цикл еще не установился, или тем, кому за пятьдесят и либидо уже на нуле.

Пытаться пережить течку в одиночку на одних таблетках — это как терпеть жуткую мигрень без анальгетиков. Жить будешь, последствий не будет, но это чертовски больно и изматывающе.

В эти три-пять дней трудно даже просто существовать, не то что делами заниматься. Приходится заранее готовить еду на неделю, забивать морозилку и запастись водой. Сплошной геморрой.

Поэтому даже в приюте некоторые пацаны не пили эти таблетки. Я и сам собирал выданные лекарства и продавал их за копейки.

Уж очень мне хотелось покупать на улице острые токпокке. Я так завидовал детям, которые шли мимо и жевали их. До сих пор помню этот сладко-острый вкус соуса на губах.

В приюте нас не били, но и лишних денег не давали, так что кошелек всегда был пуст. Всё уходило на тетрадки и карандаши. В детстве моей главной мечтой было наесться сладостей до отвала.

Разговор о течке заставил меня вспомнить о визитке в руках. Я замялся и просто положил её на стол лицевой стороной вниз.

— Найду кого-нибудь.

Ответив, я с подозрением глянул на Сынвона — чего это он сегодня такой дотошный?

— А тебе-то что?

— Да парень один, который у нас был, просил тебя познакомиться.

«Который у нас был»?

В памяти всплыл альфа, которого я видел пару месяцев назад. Тот самый, что трахался с Сынвоном прямо на диване. Меня тогда это не удивило, но вот его предложение «присоединиться» врезалось в память намертво.

Я устало потер лицо. Сынвон тут же поднял руки, мол, я не при делах.

— Я ему сразу сказал, что ты с моими бывшими не спишь.

— Ага, спасибо.

— Тоже мне, чистюля.

На его смешок я ответил со всей душой:

— Пошел на хрен. Кто в здравом уме станет мутить с альфой, который спит с любовниками своих друзей?

— Ким Джэвон? Мы с ним разбежались вообще-то.

Я удивленно на него уставился. Думал, они уже год вместе, а они, оказывается, расстались втихую.

— С чего бы?

— Замуж позвал. А мне на хрен это не сдалось, — буркнул Сынвон. — Он, прикинь, вбил себе в голову, что раз я омега-мужчина, то кроме него меня никто не возьмет.

В его голосе сквозила чистая насмешка.

Мысль, впрочем, была не новой. Омеги-мужчины и женщины-альфы для большинства бет выглядят как однополые пары, поэтому в качестве супругов их рассматривают редко.

Недоразумение разрешилось, но общаться с бывшим своего друга мне всё равно не хотелось.

— Ладно. Трахнись с ним хоть вдесятером, мне плевать, только домой не тащи.

— В мотелях дорого, — бросил Сынвон, закрывая дверь в свою комнату. — Я спать. Удачно поработать.

Сынвон ушел, но неприятный осадок остался, как дешевый парфюм. Реальность больно ударила по голове.

Мне было плевать на брак и детей, я их никогда не хотел, но отношение общества к таким, как я, всё равно бесило. Мужик-омега — значит, мораль ниже плинтуса, можно разок перепихнуться по-быстрому. Не для семьи, короче.

В порыве злости я схватил телефон. Надо было закончить то, что начал.

Сообщение было коротким:

[Здравствуйте, директор Со. Это Чхве Асель из «Нанта».

Простите, что пишу так поздно.

Еще раз большое спасибо за ваши извинения.

Насчет ужина — не стоит беспокоиться, лучше просто заходите к нам в «Нант» почаще.

Хорошего вам дня.]

Отправив это, я горько усмехнулся.

Как же жалко это звучит. Если даже в тексте я выгляжу как подлиза, то представляю, как я пресмыкался перед ним вживую. Всё, пора завязывать с этими бреднями.

Я поставил телефон на зарядку и начал собираться. Сходил в магазин за треугольным кимбапом, наскоро перекусил, принял душ и оделся.

Уже перед самым выходом я глянул на экран — пришло сообщение. Номер не был сохранен, но я знал его наизусть. Тот самый номер, на который я только что отправил отказ.

Поколебавшись, я открыл текст.

[Когда у вас выходной?]

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я ведь понимал, что это значит. Неужели я подсознательно именно этого и ждал, когда писал ему? Все мои недавние клятвы рассыпались в песок.

«Ну, если я снова откажу, директор Со может обидеться...» — пробормотал я сам себе, оправдывая собственную слабость, и начал дрожащими пальцами набирать ответ.

Эта одна строчка заняла у меня больше времени, чем всё предыдущее письмо.

[По четвергам.]

Ответ прилетел почти мгновенно.

[Встретимся в шесть. В Каннаме.]

Я получил то, что хотел, но счастья не чувствовал.

Я выключил телефон и рухнул на старый матрас. Ощущение было странное — неприятное и сладкое одновременно, будто руки испачкали в переспелой хурме.

В день встречи я проснулся ни свет ни заря. Вернулся со смены и уснул около семи утра, а в одиннадцать уже открыл глаза. Для нормальных людей это полдень, для меня — глубокая ночь.

Я умылся и замер перед зеркалом в ванной: волосы слишком отросли. Встреча в шесть, так что я поплелся в парикмахерскую. Сам не понимал, что за цирк я устраиваю, но с самого утра чувствовал себя как во сне.

Меня трясло от нервов. Обычно в это время я сплю или рублюсь в игры, но сейчас всё валилось из рук.

Я выбрал одежду для похода в ресторан при отеле, но сегодня она казалась мне какой-то затхлой. Я залил всё дезодорантом, боясь, что от меня несет сыростью. Сынвон, если бы увидел, наверняка бы спросил: «Что это за херня?».

Кое-как позавтракав, я натянул свой самый приличный прикид и встал перед зеркалом. Чувствовал себя ребенком, который пытается косить под взрослого.

Но это было лучшее, что у меня было. В автобусе я как мантру твердил про себя: «Веди себя максимально вежливо».

С помощью навигатора я отыскал ресторан и назвал имя того, кто забронировал столик. Внутри было полно людей, которые выглядели пугающе расслабленно. Дорогие вещи, белозубые улыбки, ни тени заботы на лицах.

Мне дико хотелось их рассмотреть, но я сдержался и с максимально невозмутимым видом проследовал за официантом в отдельный кабинет. Я пришел на десять минут раньше, в комнате никого не было.

Я сел и просто хлопал глазами, пытаясь унять жажду принесенным чаем. В пять минут седьмого дверь распахнулась.

Со Джинхёк вошел уверенным шагом.

— Рад встрече.

От него, слегка улыбающегося, пахло не феромонами, а свежим ветром.

— Вы ведь не против корейской кухни? Я заказал на свой вкус, даже не спросив вас, Асель-сси.

Он сел напротив и начал вытирать руки влажной салфеткой.

— Да. Всё хорошо.

Я хотел ответить твердо и уверенно, но из горла вырвался какой-то мышинный писк.

— Посмотрите меню и заказывайте.

— Хорошо.

Я поддакивал ему во всем, будто в моем лексиконе осталось только слово «да». Чего бы Джинхёк ни сказал, я из кожи вон лез, чтобы ему угодить.

<http://bllate.org/book/17249/1613924>